

Редактировать «Историю...» приезжала из Финляндии, где уже жил ее сын Марк с женой и с двумя дочерьми, но уехала она не к нему, а к любимому человеку, впервые заключив брак в 57 лет. Поздний брак с наукой. Позднее супружество. Оба раза по любви и к счастью. В 2000 году Элли Львовна приезжала в Петрозаводск на официальную церемонию присвоения ей (и трем другим исполнителям) звания «Лауреат Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы» за «Историю литературы Карелии» в 3-х томах.

Э. Л. Алто по-прежнему живёт в Финляндии. Она больна, перенесённый инсульт почти лишил ее памяти, но коллеги по Институту ЯЛИ и Союзу писателей помнят её, как и других исследователей-финнов: ее учителя – учёного с мировым именем Э. Г. Карху, Л. А. Виролайнен, А. Г. Хурмеваара, Т. К. Сумманена, Э. С. Киуру, Х. П. Кабанову, Э. П. Кемпинен, заложивших основы в области изучения литературы Карелии и Финляндии. Не забыли и написавших одну–две работы Т. Кирьянена, Р. Е. Котты, О. Л. Юфа, В. Б. Абрамову, Р. Р. Койвисто, продолжают сотрудничество с А. И. Мишиным, работающим сейчас в журнале «Carelia». Думается, что все наработки наших коллег будут учтены при создании истории литературы финно-угорских народов, для которой пришло время.

Сегодня в секторе литературы финны не работают, но финноязычная литература является предметом исследования в новом обобщающем труде «История детской литературы Карелии» (исполнители: Е. И. Маркова, Н. В. Чикина) и в очерках по современной поэзии Финляндии (исполнитель: Е. Г. Сойни).

А. И. Мишин

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ В ПОЭЗИИ

В 2000 году в Карелии вышла антология ингерманландской поэзии «Если бы я крылья имел... Стихи ингерманландских поэтов об утраченной родине». В предисловии к ней были процитированы слова педагога–просветителя и редактора газеты «Инкери» Капре Тюнни: «Сила маленьких народов в просвещении. В этом сила

народа Ингерманландии». Думаю, что и сегодня слова эти злободневны. Именно просвещение создает народ, укрепляет его самосознание.

В 1809 году Финляндия вошла в состав Российской империи, Ингерманландия при этом выпала из-под ее влияния. Но ингерманландские финны все-таки ощущали себя частью финского народа. Агрикола, Портан, Готтлунд, Лённрот, Оксанен оставались для них дорогими именами.

Своя литература у ингерманландцев начиналась чуть-чуть позднее. И как любая литература опиралась на устное народное творчество. Фольклорист Даниэль Эвропеус, ученик Э. Лённрота, собрал в Ингерманландии варианты песен о Куллерво, Унтамо и Калерво. Материал этих песен дал толчок Э. Лённроту для создания образа Куллерво в «Калевале». Кстати, надо напомнить, что в 34-томном издании «Древних песен финского народа» девять томов отданы ингерманландским рунопевцам.

Облик страны Ингерманландии находит яркое воплощение уже в народной поэзии. Вспомните ижорскую сказительницу Ларин Параске:

Meiäll on hyvä ellää,
kaunis olla kartanolla:
meri meillem näkky,
meri on meidän ikkunaan,
tuos soppi sorsan uia,
meren utkan uiksennella,
kaalella meren kajavan,
meren linnan liiritellä.

Сила выражения её любви к родине могут позавидовать поэты–профессионалы. Можно было бы процитировать всю песню «Для других края – чужие, для себя хвалю – родные». Возьму лишь одну строфу:

Parempi on omilla mailla
lemettinen leipä syvä
kuin on maalla vierahalla
syvä saikka on salissa,
punakuorta kornitsassa.

К числу первых поэтов Ингерманландии относится Яакко Ряйккёнен. Его хорошо знали и в Финляндии. Об этом свидетельствует тот факт, что его стихотворение «Mietteiläni» современный поэт и издатель Ханну Мякеля взял в сборник «Самые красивые стихи традиционной поэзии» (1979). Ряйккёнен был певцом финского языка. Он радовался тому, что язык наконец обрёл государственный статус, что «издаются учебники для школ, что пишутся пьесы, что организуются разные семинарии и гимназии». Само слово «Инкери» зазвучало в стихотворной форме столь обильно именно у него рядом со словами Финляндия, Эстония (Виро), Венгрия.

Тема родины Инкери все явственнее слышится в стихах поэтов, которые печатались в газетах под псевдонимами Лайта, Луап, Эмми Л., Кюльвяя (раскрыть псевдонимы не удалось).

Jos linnulta siivet saisin,
heti lentohon lähtisin,
mä kotkana niin kohoaisin
ja nousisin pilvihin.

Ja nuolena sieltä sitten
niin liitäisin, liitäisin vaan
mä ilmojen kautt' ihaniitten,
kunnes löytäisin taas kotimaan.

(Laita, 1874, Pietarin lehti)

Мотив этих стихов Лайты через многие десятилетия зазвучал еще сильнее и пронзительнее в стихах поэтов-ингерманландцев послевоенных лет, детей тех, кто лишился своих родителей в 1930–1940 годы, кто осознал себя частью гонимого народа. Но было время, когда народ надеялся на лучшую жизнь (конец XIX века), когда в царской России имелись какие-то признаки государственной поддержки финского населения С.-Петербургской губернии. В эти годы Моосес Путро создаёт гимн ингерманландцев ”Nouse Inkeri” (1888). Вторую строфу гимну дописал позднее Пааво Ряйккёнен.

Начало XX века диктовало поэтам-ингерманландцам поэзию социального плана: писали о тяжелом положении и ингерманланд-

ских деревень (Антти Венна), страданиях народа (Давид Вянскя). Звучат призывы к революции, свободе (Матти Курикка, Эту Мерияйнен). И что интересно, эти стихи печатают. Представьте такого плана стихи в советские годы:

Miksi vääryys vallitsee,
miks on mielivalta,
miksi suuret sortelee
pienet kaikkialla?

Строки принадлежат Юхане Стрёму. Они напечатаны в газете «Нева» в 1913 году, а в 1918 году он уже по сути приветствовал революцию.

Se aika koitti. Päivä valkeni.
Ja kevätvettä vihdoin virtas joivat.
Vuossatain kahle päältä katkesi,
kas, kevätuulet hoivaa huminoivat.
Jäi taakse talvi, karu, kolkko yö,
ja etehesi aukes' uusi työ.

В поэзии Ингерманландии начинается неоромантический период. Правда, прежние имена исчезают.

Судьба одного из поэтов Аапо Весикко показательна. В 1918 году этот талантливейший поэт написал «Ингерманландскую быль» от лица Куоман Каймы. Он описал в диалектной форме гражданскую войну в Ингерманландии и показал моменты прихода большевиков к власти через историю крестьянина Пекко, которого грабят как Юденич, так и Троцкий. В конце концов от него уносят даже самовар. До 1925 года Аапо Весикко редактирует газету в городе Выборге, а потом возвращается на родину. Его арестовывают и отправляют на Соловки. Оттуда он возвращается больным и умирает в 1935 году. А поэту Айре (Аапо Ихо) удается бежать в Финляндию, где он издаёт сборник стихов «Инкери» в 1939 году с описаниями горестной судьбы своей родины. Не прямо, но вполне внятно он дает понять, что творится там, на родине:

ken mennyt on töihin Hiipinään,
ken lomalle Jeniseille,
ken matkoille Krasnojarskihin,
ken Solovkan kuuluille teille.

Поэт мечтает:

että saisimme vielä takaisin
me kodit ja omaisemme.

На первых порах советская власть содействовала малочисленным народам. Рождались письменные языки, не преследовалась церковь. Существовали национальные газеты, издательства. Правда, большая часть поэтов приезжает в Карелию учителями, работниками культуры. В поэзию возвращается пейзаж, описания родных деревень. Кто не знает стихотворения Леа Хело (Тобиас Гуттари) «На родине!». Здесь и знакомая дорога, и «низенький дом с черемухой под окном с красным налчиником» и «собака Халли, заяц, барабанивший в окно». А в стихотворении о матери «Ткачиха» даётся описание привычной деревенской работы женщины в доме. И хотя поэт не идеализирует деревенскую жизнь (его зовет новое время), за такого рода стихи критика окрестила его кулацким поэтом. Также критика расправилась с другим поэтом Юрье Саволайненем. Правда, не за стихи, а за его роман «В вихре времени» (1935). Писателя обвинили в меньшевизме за идеализацию крестьянской жизни в дореволюционные годы. Крестьянская Ингерманландия, кормившая Питер не менее двух веков, никак не устраивала новую власть. Поэт погиб в лагерях.

И всё-таки вместе с поэтами, финскими финнами, новые поэты-ингерманландцы воспевали социалистическую жизнь. Карелия становилась для них второй родиной, и поэты попевали ее вдохновенно и мастерски. Это делали Тойво Райта, Матти Хусу, Юхо Пауку, Йосеф Шульц и другие.

Война и послевоенное время заставляют по-новому взглянуть на страну Ингерманландию, которая надолго утратила даже своё название. Жило слово «инкерилайнен». Так мы себя отличали от других финнов. Почти двадцать лет прошло после войны, когда Эйно Киуру решил издать сборник «Народные песни Ингерманландии» (1974). Это название с трудом разрешили использовать. Однако новые поколения поэтов (Тайсто Сумманен, Виктор Вальякка, Катри Корвела, Пекка Пёлля, Тойво Флинк, Тойво Кемппи (житель Эстонии), Тойво Тупин вернули Ингерманландию в поэзию. Она жила в названиях родных мест: «Констан кюля» (Викто-

ра Вальякка), «Токсован мьят», «Каукалон куккулат» (Катри Корвела), «Мийккула» (Тайсто Сумманен) и даже в предметах, столь характерных для деревенской Ингерманландии, например, Кейну – качели (Пекка Пёлля). Она возвращалась воспоминаниями о близких, унесенных репрессиями, ингерманландским наречием («Мие я сие» – название стихотворения Тертту Викстрем). Некоторые поэты написали ряд стихов на этом наречии (Тойво Флинк, Лилья Пенние). Целый ряд стихов Армаса Хиيري посвящены ингерманландцам, семейным историям.

Острые стихи в защиту ингерманландцев написал Тойво Флинк:

Kerran kun iskit,
niin kolmesti koski,
minut kuin piski
potkaistiin roskiin.

Mieleni maltan,
kun katselen vastaan:
näinkö siis valta
kohtelee lastaan?

Kuinka kauan vielä? – задавал болевой вопрос Тойво Флинк в 1988 году. Пишущий на русском поэт Роберт Винонен, москвич, ныне живущий в Хельсинки, в 2001 году в стихотворении, посвященном питерскому ингерманландцу Виктору Того, ставит тот же вопрос о российских угро-финнах: «Поредел, повымер этнос – Где вы, чужь, ижора, водь?» Винонен еще в 1966 году включил в свой первый сборник «Мгновения» прекрасное стихотворение «Родословное древо», посвященное отцу, где есть такие строки:

Вот угрюмые финские сосны,
Родословные ветви мои.

...

Видно, крепко за землю держалось,
за холодные камни ее,
если тысячу раз подрубалось
родословное древо мое.

В стихотворении «Назия» (1977) стоит тот же вопрос: «Где тут наши корни-то?»

В драматической истории ингерманландских финнов позитивную роль, конечно же, сыграла Карелия, где в конце концов многие из них нашли вторую родину. Для писателей, поэтов, пишущих на финском языке, здесь созданы были благоприятные условия. Одно из них, главное: существование журнала «Carelia». Вообще по страницам этого журнала можно проследить, как постепенно пробуждается национальное сознание ингерманландцев, как вскрывается правда 1930–1940-х годов...

Думаю, что в этом процессе самосознания народа сыграла важную роль поэма–баллада Тайсто Сумманена «Певец и властелин» (1983). Уже давно произошло разоблачение культа личности. А прямо говорить о диктаторе в литературе нельзя было. Сумманен в форме поэмы–притчи рассказал о тиране, который убивал языки, чтобы убить народ. «Лишь наш язык во всей державе будет. На нем заговорит и твой народ.» О том, что всякого рода постановления запретного порядка имели место, говорит история публикации моего невинного стихотворения «О, музыка родного языка». Его сняли из моего сборника «Бессонница» (1966). Я рассказал об этом Л. Я. Резникову. Он напечатал его в своей статье, вошедшей в «Очерк истории советской литературы Карелии» (1969). Это к слову.

Журнал «Карелия» в последние годы много уделяет внимания Ингерманландии. В нём напечатаны воспоминания Юхо Муллоне-на, Эйно Киуру, Арви Хуттунена, Юрье Риехкалайнена, Клауса Мауно...

Никогда столь обильной информации о жизни народа в прессе не было. То, о чём поэты говорили намёками, иносказаниями, символами, притчами, заклинаниями, вылилось ценнейшими свидетельствами пострадавших. А ведь ещё стали доступными документы, постановления, указы, подписанные исполнителями воли вождя.

Поэты писали о своих ощущениях бесправия, бездомности. Так значимый образ растения перекаати–поле в стихах А. Хийри и К. Корвела подкреплялся документами. Вот хотя бы один из них, один его пункт от 20 января 1950 г.: «Не позднее 10 мая 1950 года совместно с Министерством Госбезопасности КФССР представить на утверждение в Совет Министров КФССР план перемещения из пограничных районов ранее завезённых ингерманландцев». Подпись: Андропов.

Сборник «Если б я крылья имел» нашел отклик в Венгрии. В некотором сокращении и под названием ”Unohtuivat miltei kaikki sanat” он был опубликован в Венгрии в 2002 году. Его издал Янош Пустаи. Он включил в него несколько поэтов, ныне живущих в Финляндии: Арво Сурво, Юхо Варвас, Ройне Тухканен, Антти Пююккёнен, Эйла Ояла. Они со своей стороны задают времени те же вопросы:

Nyt kuuluu eri puolilta ja kaikuu,
Ett’ ”Nouse, Inkeri” ja ”Omal maal”.
Kenen on noustava? Ja missä maamme?
Ja kuka sitä maata haltuun saa?

Tuo vanha mummo sieltä Käivärästä?
Tai rampa invaliidi Kuippinan?
Tai nuori ikäpolvi, joka maasta tästä
on muuttamassa Suomen helmahan.

Это строфы из стихотворения Юхо Варваса «Есть такая точка зрения» (On tällainen näkökulma). Вопросы вполне резонные. Только бы они не накликали запрета для молодых жить там, где они хотят, если на родной земле они лишние. С грустью смотрит на ингерманландские деревни Ройне Тухканен. «Чужие краски, Чужой стиль», и «Даже старые женщины не говорят на родном диалекте».

Стихотворение Эллы Ояла «Флаг Ингерманландии» было написано в те годы, когда земляки начали впервые встречаться на родной земле.

Sortajat on polkeneet sen pyhän lipun
niin kun koko kansan.
Jotain sentään, ehkä lipun tulipuna reuna
jäi vilkkumaan kuin hätävalo maailmalle
sen siniristi pyhä vala Jumalalle:
kerran vielä nousee kansa sorrettu
ja nostaa lipun korkealle.
Näin lippu noussut on jälkeen salkoon
ja laulu raikukoon nyt ilovirren julki...

Евгений Якобсон (Богданов) в сборник «Если б я крылья имел» не попал по недоразумению. Мы с Эйно Киуру, вторым составителем антологии, почему-то решили, что он из финляндских финнов.

Когда мы узнали истину, было поздно. О его корнях могло нам подсказать его постоянное обращение к именам персонажей «Калевалы»: Вяйно, Лемминкяйнен, Йовкахайнен, Куллерво. Яacobсон принадлежит к новейшему поколению пишущих на финском языке, поэтому мне стало интересно, проявляется ли в его творчестве знание о своих предках, о своей прародине. Я нашёл-таки у него стихи, в которых зримо и глубоко это знание проявляется:

kunne kääntyä
purteni nokan aalto
ruokittu sammollasi
altis kuljettamaan

kohti rantaa
vereni synnyinmaahan
siunattuun lahdelmaan
vieraana kuolemaan

В 2001 году Хелена Миеттинен в Хельсинки выпустила книгу «Сказочная шкатулка Инкери» (Инкерин сатулипас). На ее страницах рядом со сказками размещены детские народные песни, потешки, прибаутки. Матери, бабушки пели своим детям, внукам эти чудесные весёлые, юмористические песенки, полные фантазии. Во многих ли семьях их сегодня поют? Именно эти песни закладывали в нас «финскость». Прочитую одну из них: Ihme ja kumma.

Kuulin kumman, näin ihmeen!
Istui hiiret vastatusten.
Kysyivät toinen toisiltansa.
Mitä kotiin kuuluu?
Kuuluu tuonne kummempia,
nähtiin näitä oudompia.
Lutikkainen lunta kantoi,
torakka torui ovella.
Täi lakkaisi lattiaa,
kirppu pyyhki kiuasta.

Обращение к народной поэзии в поисках вдохновения дает свои плоды и сегодня. Арво Сурво по методу Элиаса Лённрота создал свой эпос «Suur-Synty Kiesus» («Апокриф Таёжного народа») на материале народной поэзии Ингерманландии, Южной Финляндии